
Михаил СИНЕЛЬНИКОВ

* * *

И эти лютые морозы,
И ледяные зеркала,
И хлеб с избытком целлюлозы
Их память горестно несла.

Я замечал у них привычку
Беречь и доедать еду
И попусту не тратить спичку,
Как в том навязчивом бреду.

Когда людей, хоть стой, хоть падай,
Презрела призрачная власть,
У испытуемых блокадой
Одна забота — не упасть.

И коль совсем не обездвижить,
Все тот же выбор будет впредь —
Иль чью-то жизнь отнять, чтоб выжить,
Или, спасая, умереть.

МАТЬ

Все чудятся в скрипучем взвизге
Саней, летящих сквозь пургу,
Сугробов выплески и брызги
И волчьи тени на снегу.

Блужданья по делам детдома,
Все вновь дистрофиков заезд
И затаившаяся дрема
Лихих и дезертирских мест.

— Найти, добудь — детей обрадуй!
И — тяжесть нужд и лютых стуж.
Но все — ничто перед блокадой,
Где до конца остался муж.

И столько всех пропавших в нетях,
Учивших жить и понимать!
Что ж выросло из сирот этих,
Которых выходила мать?

Треск радио, сырое лето,
Дождя грибного колдовство...
Я мало знал ее... Ведь это —
Все до рожденья моего.

Михаил Синельников родился в 1946 году в Ленинграде. Ранние годы провел в Средней Азии. Живет в Москве. Автор 30 поэтических сборников, сотен статей о поэзии, переводчик классической и современной поэзии Востока, составитель многих хрестоматий и антологических сборников. Стихи переведены на многие языки, отдельными книгами вышли в Черногории, Румынии, Японии и Турции. Академик РАЕН и Петровской академии, лауреат премии Бунина, премии Дельвига, премии Арсения и Андрея Тарковских, Государственной премии Таджикистана имени Рудаки и многих других отечественных и зарубежных премий.

* * *

Я долг отдам и восхваляю траву.
Вот — лебеда, она и в Ленинграде
Бывала во дворах, она в блокаде
Родителей спасла, и я живу.

Сам голода не знал. После войны
Я был ребенком на краю державы,
Как в буйный лес, входил в густые травы,
В их вещей шелест, в их дневные сны.

На чем-то горьком жарили ее.
Еще весною шла в котел крапива.
Пусть ей за то, что так вольнолюбива,
Колючее простится колотье!

Я эту речь запоминал легко.
И, вероятно, призван был воспеть я
Туземной кашки белые соцветья,
Полынь и молочая молочко.

— Так не усни, душа, не постарей!
Пусть книжной пыли много ты вдохнула,
С тобою мощь родного саксаула
И розовый светящейся кипрей.

* * *

Литературной живопись была.
Ну, что же там? «Арест пропагандиста»!
Десятские залетного орла
Свирепо вяжут, и в избе нечисто.

Народ опаслив, как ни поглядишь.
Угрюмствуют два старика в тулупах.
А он с ухмылкой, яростен и рыж,
Стоит среди этих низменных и глупых.

Зачем пришел смутить он эту глушь?
Но рухнула вдвоем с литературой
И живопись, дешевая к тому ж,
И нерушим пейзаж остался хмурый.

* * *

Напомнит лес о русокудром Леле,
А может быть, о лешем колдуне,
И звук жалейки, жалоба свирели
В вечеровой раздастся тишине.

Снег упадет негаданным подарком,
Или пригорода черная весна
О бормотанье сбивчивом и жарком
Расскажет, говорлива и бурна.

А северная зимняя столица —
С игрой вечерней, с цокотом копыт
Анапесту позволит возвратиться
И прозу, и простуду возвратит.

ШАХМАТОВО, БОБЛОВО

И заняты продажей сувениров
Потомки тех, что рушили и жгли.
Теперь живут, обломки быта вырыв
Из одичавшей сумрачной земли.

Повырубили ельник и осинник.
Вновь засияла церковь за прудом,
И в даях зачарованных и синих
Возник уже мемориальный дом.

Руководились фотоснимком старым,
Всмотревшись в этот пожелтевший вид,
Где у крылечка перед самоваром
Семейство благодушное сидит.

Там сбоку мальчик-инопланетянин.
Что чужд он всем, домашним невдогад,
И не поймут, как страшен он и странен,
Поскольку на фотографа глядят.

ФЕВРАЛЬ—МАРТ

Был распорядок прост и четок:
От радио, само собой,
От всех трудов и проработок
В кино бежали всей гурьбой.

По вечерам — какое чудо!
Не то что тундра и тайга —
Вот эти дебри Голливуда!
А жизнь привычная строга.

Быть может, завтра в щель теплушки
Увидишь новые края,
А здесь — какие-то зверюшки,
Душа спасенная твоя.

И в джунглях длинная лиана
Металась линией прямой
И в оттепель несла Тарзана
Над чьим-то детством и зимой.